

А. ГАРРИ

СЧЕТ НА КРЫЛЬЯХ

ОГИЗ · ДЕТГИЗ · 1935

А. ГАРРИ

СНЕГ НА КРЫЛЬЯХ

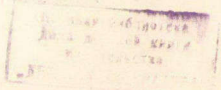

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1935

ДЛЯ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Оплет. редактор Г. Эйхлер
Иллюстрации — В. Щеглова
Обложка — Н. Шишловского
Технич. редактор Б. Смирнов
Корректор А. Сапелкина
Сдано в производство 4. 5. 35.
Подписано к печати 14. 6. 35.
Детгиз № 348. Индекс Д-7.
Формат $72 \times 93 \frac{1}{16}$ доля листа.
3 печатн. листа (2,37 авт. л.)
Уполномоч. Главлита Б-5707.
Тираж 10 000 экз.
Отпечатано на 17-й фабрике
национ. книги ОГИЗа РСФСР
треста „Полиграфкнига“, Мос-
сква, Шлюзовая набережн., 10.

252886

ЧЕЛОВЕК - ПТИЦА

Соль, которую люди употребляют в пищу, как известно, запаха не имеет. Тем не менее ветер, дующий с моря, безусловно пахнет солью. Ноздри ненца Ийши, почуяв острый запах морского ветра, жадно вздрогнули, а скуластое лицо его осветилось хитрой усмешкой. Ветер с суши пахнет дымом людских жилищ, душистыми корнями оленьего мха, всеми нежными запахами тундры, рассыпающейся от зимней спячки. Ветер суши тяжел и сух даже в марте, когда мрачные скалы лапландских берегов еще покрыты густым слоем затвердевшего снега. Ветер был морской, он дул с океана, — это было совершенно очевидно, и потому Ийша продолжал улыбаться. Хотя черный флюгер над метеорологической вышкой мог сразу разрешить все его сомнения относительно направления ветра, Ийша даже не взглянул в ту сторону. Он не доверял приборам приезжих хитрецов, которые хвастались тем, что умеют угадывать погоду. Хотя Ийша вот уже в течение пяти лет ясным полярным летом и суровой полярной зимой оберегал эти приборы от снежных заносов и порывов ветра и даже знал, как управлять этими приборами, не хуже метеоролога Ивана Калиныча, он все же с большим доверием относился к собственному чутью.

Вот и сейчас олени ковыряли мохнатыми мордами снег, повернувшись хвостами к северу; упряжные собаки часто зевали; ледяное крошево за припаем было не голубым, а темнозеленым. Это значило, что ветер дует с океана. Ийша улыбнулся от удовольствия, подумав о том, насколько он мудр. Он жил на Тюленьем острове вот уже тридцать третий год и еще ни разу не обманулся в предсказании погоды, а метеорологическая станция ошибалась часто.

„Человек-птица сегодня не прилетит,— подумал Ийша.— Он боится морского ветра“.

В колонии отчетливо и сухо трещала динамомашина радиостанции. Там в полузанесенных снегом деревянных домах начинался трудовой день. Несколько человек вышло во двор, неся на плечах большие деревянные лопаты. Кто-то из них, сложив руки рупором и стараясь перекричать ветер, окликнул Ийшу. Ийша сделал знак рукой и медленно пошел обратно к колонии, продолжая улыбаться.

„Человек-птица сегодня все равно не прилетит,— подумал он еще раз.— Напрасно стараются!“

Русская колония на Тюленьем острове состояла из одиннадцати семейств и четырех холостых. Кроме того, в отдаленных частях острова кочевало еще с полсотни ненцев, переселенных сюда в принудительном порядке еще в начале столетия. Молодежь родилась на этом острове, в горле Белого моря; многие из них ни разу в жизни еще не были на материке.

Вскоре после революции, как-то летом, на остров приехали большевики из Архангельска. Они построили несколько домов, метеорологическую будку и радиостанцию. С тех пор на остров два раза в год стал приходить пароход Совторгфлота — завозить продукты, керосин, порох и пули, сети и снасть. Этот же пароход привозил смену колонии, но за последнее время колонисты сменялись все реже и реже: они стали оседать. Сменялись только холостяки; семейные привыкли к островной жизни.

Бесконечной полярной зимой колонисты сидели по домам, выходя на несколько минут во двор только в самые тихие и ясные дни, читали книги, играли в домино и карты, пили чай и водку. Ненцы отдыхали от хлопотливого и быстрого арктического лета в своих чумах, занесенных снегом, много спали, топили сало, шили платье и обувь из оленьих и тюленьих шкур, растили детей.

Остров оживлялся только весной, когда начиналась зверобойка. Тогда все чаще стучала радиостанция, мимо острова днем и ночью шли промысловые ледоколы, в пловучих льдинах проносились скованные сжатием боты; на самом высоком холме Ийша зажигал тогда по ночам большой смоляной костер.

Часто на остров ложились тяжелые арктические туманы. Они обволакивали весь горизонт густой молочной пеленой. Иван Калиныч протягивал тогда длинный канат от своего дома до метеорологической будки, потому что в хороший туман на острове Тюленьем человек, идущий на лыжах, ног своих не видит вовсе, а руки может разглядеть только до локтя. Перед тем, как туман окончательно сгушался, Ийша, который жил в колонии и исполнял обязанности сторожа, зажигал на холме двойной костер, хотя это и мало помогало.

В туман вокруг острова гудели тревожные гудки, колонисты вооружались длинными баграми и, держась друг за друга, выходили на припай и ждали. Часто льды прибывали к скалистым берегам лодки с полузамерзшими промышленниками, потерявшими в тумане свои ледоколы. Чаще всего это были большие бородатые поморы, потомки тех великанов, которые еще несколько десятков лет тому назад каждой весной выходили на промысел не иначе, как забравшись на пловучую льдину.

Поморы один за другим, шатаясь, всходили на берег. Они долго и истово крестились на восток, потом втаскивали на берег лодку, если их прибило на лодке, или убрали со своей льдины оружие, багры и свежие тюленьи шкуры,— зачем пропадать добру?

Поморов вели в колонию, в самый большой дом, принадлежащий доктору Кукушкину. Они долго топтались в снях, отряхивая снег и куски льда, потом раздевались, с трудом ворочая заскорузлыми, окоченевшими пальцами. Поморов вели в „приезжую“ и начинали угощать. Они с удовольствием пили неразбавленный спирт, держа стакан обеими руками, ели копченую оленину и очень не любили рассказывать о своих приключениях.

Потом поморы укладывались спать на полу, подстелив под себя брезенты и меха, и спали до утра следующего дня, заглушая богатырским храпом стук радиостанции.

Спасение поморов для колонии было событием, о котором потом долго вспоминали. Такие события разнообразили жизнь колонистов лишь два-три раза в год. Доктор Кукушкин, старожил Тюленьего острова, рассказывал новым зимовщикам прежние случаи, делались догадки о том, кто из спасенных поморов семейный и есть ли у него дети. Этим вопросом, конечно, больше всего интересовались женщины.

А на станции в это время молодой радист Сафонов, проведенный в полярной ночи свою первую зиму, нагнувшись над ключом, из-под которого время от времени выскакивали голубые искры, старательно выстукивал:

„Говорит Тюлений... говорит Тюлений... говорит Тюлений... Подобрали семерых... семерых... Назвались Койданской артиллерии... С леодокола „Седов“... „Седов“... Отбились вчера утром... вчера... Здоровы... все здоровы... Примите метеосводку... Туман продолжает...“

На леодоколе „Георгий Седов“, в радиорубке, второй штурман, волнуясь, читал, перегнувшись через плечо записывающего, передачу радиста. Потом, обрадовавшись, штурман бежал вприпрыжку по спардеку к капитанскому мостику. Леодокол, чуть прижатый большим ледяным полем, лежал немного набок. Чудовищные обломки льдин лениво копошились, шурша о его стальную обшивку, похожие в темноте на каких-то диковинных зверей.

Капитан Тихонравов, старый полярный моряк, опи-

рался рукой на медный глобус судового телеграфа, готовый каждую секунду к тревоге, не доверяющий обманчивому спокойствию. Рядом с капитаном, навалившись

меховым брюхом на перила, стоял громадный старик, во-
жак поморских охотников, староста Койданской артели.
Он был мрачен, как ночь.

Штурман, запыхавшись, поднялся по трапу и тронул
старосту за плечо.

— Павел Еремеевич, ваших подобрали, всех семерых.
Здоровы. Их сейчас прибило к Тюленьему. Только что
передали по радио.

Капитан молчал. Павел Еремеевич блеснул глазами
на штурмана из-под заиндевеливших седых бровей. Потом
он снял чабак, обнажив широкую лысину, окруженную
белоснежными клоچьями волос, торжественно-медленно
перекрестился и лишь тогда проговорил:

— К Тюленьему? Вот штука какая, — против ветра, зна-
чит, их перло. Ну и хорошо, ну и слава богу! Это такие
ребята, что не пропадут. Я так и сам думал.

Однако бывало и иначе. Тогда во льдах беломорского
горла становилось тревожно. Ледоколы и моторные боты,
русские и норвежские, бросали промысел и бороздили
прожекторами укутанную туманом снежную поверхность.
Жутко-протяжно в белесой мгле завывали сирены и хри-
пели гудки. На всех островах и береговых становищах люди
зажигали костры и, запасшись баграми, дни и ночи про-
стаивали у берега, вглядываясь воспаленными глазами в
мутную, непроницаемую пелену тумана.

Так проходило много дней, недели. Потом надежда на
чудо пропадала окончательно. И люди — тоже. Они гибли,
занесенные ледовым дрейфом в океан, замерзали на пло-
вучих льдинах, обессиленные голодом. Когда артель воз-
вращалась домой со зверобойки, на пристани в Архан-
гельске бывало несколько плачущих женщин, вот и все.
Погибших некоторое время помнили, о них на селе сла-
гались легенды, сыновья и братья их подрастали и тоже
весной уходили в море.

Так происходило всегда с тех пор, как Ийша помнил
себя на Тюленьем острове. Положение несколько изме-
нилось, когда первый раз прилетел человек-птица.

Ийша очень хорошо запомнил этот день. С раннего утра на Тюленьем острове шли приготовления. Хотя по радио было получено совершенно точное указание, что около полудня прилетит аэроплан, который будет иметь базой Тюлений остров, население острова так и не поверило этому сообщению до самого последнего момента. Из колонистов один доктор Кукушкин видел самолеты во время мировой войны, остальные имели о них лишь самое отдаленное представление. Что касается ненцев, так те просто не верили и смеялись.

Немного позже полудня самолет действительно прилетел. Разбрасывая тучи снежной пыли, он покатился по специально приготовленной для него снежной площадке с совершенно фантастической быстротой, затем замедлил бег и подкатил почти к самой метеорологической будке. Колонисты столпились у докторского дома, а ненцы лежали животом на земле, уткнув лицо в снег, и молились.

Еще до прибытия самолета колонисты оживленно обсуждали возможность участия авиации в зверобойной кампании и единодушно пришли к выводу, что это пустая выдумка, что из этого ничего не выйдет. Поэтому их отношение к прилету первого аэроплана в эти места было отчасти даже враждебное. Ненцы — те просто думали, что настал конец света.

Сверху открылась дверца кабинки, и летчик сошел на землю. Он был очень высок ростом, и казалось даже странным, как его длинные ноги могут уместиться в кабине управления. Соскочив на землю, летчик пошел прямо на колонистов, сдернув на ходу шлем, который, видно, ему изрядно надоел. Пилот был в кожаном полупальто и валенках; снежинки мгновенно таяли на его наголо выбритой голове.

Он шел, смущенно улыбаясь, размахивая руками, и видно было, что он немного раздосадован таким холодным приемом. У него было простое, русское, слегка курносое лицо и выцветшие глаза, едва прикрытые жиденькими ресницами, но взгляд этих глаз был ястребиный, и

под лучами этого взгляда колонисты молча, один за другим, сняли меховые шапки.

Необыкновенный человек поочередно поздоровался со всеми за руку и проговорил громко и весело:

— Очень рад познакомиться: Внуков.

Ненцы, как заколдованные, лежали, уткнувшись носом в снег, и один только Ийша встал и, стряхнув с колен снег, пошел навстречу летчику. Внуков и ему крепко пожал руку и опять дружелюбно представился:

— Очень рад познакомиться: Внуков. Вы ненец? Очень хорошо, что вы культурный. Да скажите же вашим, чтобы они не боялись. Право, тут ничего нет страшного. А помощь ваша нам понадобится!

И тем, что летчик одному Ийше из всех присутствующих в первую же минуту своего прилета сказал столько слов сразу, он купил старого ненца на всю жизнь. Ийша очень любил, чтобы его уважали.

Это было два года тому назад. С тех пор человек-птица, как продолжали называть его ненцы, прилетал весной и осенью на остров Тюлений. За несколько дней до этого колонисты сколачивали большой деревянный остов ангара из досок и брусьев, на этот остов натягивался брезент, и туда потом прятали стальную птицу.

Когда во время пребывания аппарата на острове налетал шквал, колонисты тесным кольцом окружали ангар и держали края брезента руками для того, чтобы не сорвало.

За несколько дней до прибытия летчика в доме доктора Кукушкина мыли полы и переносили амбулаторию в „приезжую“. Внуков обычно помещался в светлой угловой комнате, где в остальное время находилась амбулатория. Там всегда пахло лекарствами, потому что их запахом были пропитаны стены и пол, и Внукову по ночам снилось, что он ранен на фронте и что ему ампутируют ногу.

С Внуковым прилетал еще второй человек, механик, которого ненцы боялись. Он не подпускал никого к

самолету ближе, чем на пять шагов, а когда с ним пытались спорить, скалил зубы и ругался нехорошими словами. Однажды прилетел еще и третий человек — наблюдатель Просвирин. Но он в первый же день пребывания на острове напился спирту и свалился с прибрежной скалы в ледяное крошево, откуда его ненцы благополучно и вытащили. Просвирин вследствие этого происшествия навсегда потерял возможность пользоваться уважением колонистов.

Ийша пошел к колонии, быстро и легко двигая лыжами, — так, как умеют ходить только люди, родившиеся в снегах.

Колонисты вышли на площадь и стали разгребать снежные кочки. Когда Ийша подошел ближе к ним, метеоролог Иван Калинович крикнул ему:

— Ийша, Внуков-то вылетел все-таки из Архангельска!

Ийша остановился как вкопанный и даже наступил одной лыжей на другую, что с ним случалось редко. Он был изумлен и расстроен.

— Человек-птица вылетел? — проговорил он медленно. — Это плохо, очень плохо!

— Почему же плохо? — спросил доктор Кукушкин, улыбаясь. — Ведь ты же, кажется, очень любишь Сергея Михайловича?

— Это очень плохо, — повторил Ийша еще раз. — У Оленьих скал человек-птица попадет в большой туман. Туман не очень толстый, но человек-птица может этого не знать. Ему будет плохо, потому что ветер дует ему в нос.

Колонисты насторожились, и деревянные лопаты замерли у них в руках. Начальник острова Федосеев снял меховую шапку и, почесав затылок, подошел к ненцу ближе.

— Откуда ты знаешь про туман у Оленьих скал? — спросил он. — Ведь это же больше двухсот километров отсюда. Это что, опять твои духи тебе подсказали?

Ийша нахмурился. Он не любил, когда смеялись над

его духами. В этих духов он глубоко верил и считал, что они в любой момент могут наказать легкомысленных людей за пренебрежительное к ним отношение.

— У Оленьих скал большой тонкий туман,— повторил он упрямо.— Если можно с человеком-птицей говорить по воздуху, нужно ему подсказать.

В тоне ненца было столько убеждения, что ему поверили. Даже метеоролог Иван Калиныч знал, что Ийша чувствует погоду иногда даже лучше и точнее, чем самые сложные приборы, и что отгадать характер тумана на расстоянии нескольких сот километров для него было сущим пустяком.

Начальник острова Федосеев уже бежал к радиостанции, спотыкаясь в сугробах. Ийша спокойно отложил в сторону лыжи и, взяв свободную лопату, принялся разгребать снег.

Колонисты молча последовали его примеру.

На радиостанции было совершенно тихо. Слышно было только, как скрипел плохо отточенный карандаш радиста Сафонова.

Когда в будку зашел начальник острова Федосеев, радист молча, не оглядываясь, протянул ему синюю бумажку. Там было написано:

„Идем густом тумане... Сильный встречный ветер... Здорово относит... Боюсь, придется возвратиться... Дайте вашу погоду...“

Прочтя обрывок радио, Федосеев немного подумал, пососав кончик карандаша, затем быстро написал ответ на клочке бумаги и протянул его радисту. Тот прочел, кивнул головой и, заведя мотор, стал выстукивать позывные сигналы самолета.

В ответном радио было написано:

„Сведениям ненца Ийша туман районе Оленьих скал невысок. Попробуйте забрать высоту. Здесь ветер норд-норд-ост силою в 4 балла. Метеосводка предсказывает вечером 10 баллов. Не рискуйте, лучше возвращайтесь обратно“.

Томительно долго продолжалось молчание. Потом, сначала медленно, потом все быстрее, застучали точки и тире:

„Хорошо... Выбираю антенну... Некогда возиться радио... Постараюсь подняться выше... Все-таки ждите“.

В два часа дня аппарат прилетел на Тюлений остров. Первым услышал шум пропеллера Ийша. Это было тогда, когда вообще еще ничего не было слышно. Потом равномерный гул уже заметили все колонисты. Люди на ходу быстро надевали меховые куртки и шапки, все поголовно выскочили на улицу — мужчины, женщины и дети.

Самолет показался с юга маленькой черной точкой. Потом он приблизился и превратился в странно серебристую стрекозу. Два раза юнкерс пролетел над островом, огибая его с западной стороны. Потом шум мотора заглох, неравномерно кашляя, захлопал пропеллер, и Внуков пошел на посадку. Легко и грациозно топнули лыжи по рыхлому снегу, аппарат несколько раз подпрыгнул и пронесся мимо колонии стремительным скольжением. Дойдя до края площадки, Внуков повернул аппарат, и прямо к колонистам обернулся сверкающий диск пропеллера. Летчик подрулил почти к самой метеорологической будке; потом аппарат замер на месте.

Первым у крыла аппарата, конечно, очутился Ийша. Он тряс летчика за руку, гладил его меховую куртку и дружелюбно хлопал его по плечу. Ийша был так хорошо настроен, что он даже вежливо поздоровался с механиком. Механик по обыкновению был мрачен, как ночь. Летчик Внуков, окруженный колонистами, вошел в докторский дом и, не снимая мехов, сел прямо на лавку, положив локти на стол.

Он молча обвел всех слегка воспаленными глазами и спросил:

— Ну, как норвежцы? Расскажите же толком, кто и когда видал их в последний раз.

„СКОУЛЬ, ГОСПОДИН ЛЕТЧИК!“

Норвежцев в последний раз видели только их близкие и родные. Это было три недели тому назад, в солнечное утро, в гавани Тромсе. Старинный, один из самых старых в мире, рыбачий городок, как всегда, был полон особенного, северного очарования. Черные скалы, усеянные садами, террасами спускались к морю. Голубые воды Гольфштрема извивались в кружевах фиорда. Женщины, повязанные пестрыми теплыми платками, провозжали в море своих мужей, женихов и сыновей.

В этот день в Белое море на тюленьи промысла уходило одно парусное судно и два морских бота. Стоял крепкий мороз; в Ледовитом океане плавно катились зеленоватые валы; погода была ясная. Три корабля сначала держались вместе. Ни у одного из них не было радио. Потом у горла Белого моря они, прижатые встречаемыми ледяными полями, напали на многотысячную тюленью залежку, и жажда наживы обуяла рыбаков. Они забыли благоразумное правило, по которому слабые люди должны держаться вместе в моменты опасностей, и, увлекшись погоней за зверем, вскоре потеряли друг друга из виду.

Шхуну шкипера Янсона разбило о скалы лапландского берега. Он потерял судно, приборы, снасти и десять тонн готовых тюленьих шкур, не говоря уже о ценном грузе тюленьего сала, стопленного в специальный котел. Экипаж шхуны во главе со шкипером возвратился в родной город на чужом корабле. Люди показывали на них пальцами, мальчишки бегали за ними, высунув язык: неудачникам не прощают.

Старый капитан Зильперт вышел в море со своей обычной командой — тремя великанами-сыновьями, двумя племянниками и внуком Оскаром. Моторный ботик „Викинг“ только осенью был куплен в Англии. Он имел приличный ход и специальный котел для топки тюленьего сала. Когда, столкнувшись с бессмысленным упорством ветра, отстал шкипер Янсон, оба бота шли некоторое время на небольшом расстоянии. Вскоре шхуна скрылась за острой верхушкой какой-то скалы. Капитан „Викинга“, правда, заметил в последнюю минуту, что шкипер Янсон, держа медный рупор, повидимому, что-то кричал ему, но он не вполне был в этом уверен. При этом Зильперт был убежден, что экипаж шхуны уж как-нибудь выпутается из беды, а останавливаться из-за этого не было смысла. Все предвещало великолепную охоту, и второй бот уж очень далеко ушел вперед. В уме капитана Зильперта родилось опасение, что он поспеет только к шапочному разбору, если будет обращать внимание на всякие призывы. Поэтому он повернулся спиной к исчезающей за изгибом скалы шхуне и приказал дать полную скорость, чтобы не отстать от далеко ушедшего вперед первого бота.

Собственником и командиром этого бота был Бьернс, прозванный Счастливым. Еще в те времена, когда норвежским промышленникам не известно было пользование моторными ботами, Бьернс ухитрялся на парусной шхуне провести три зверобойки в каждый сезон. Прямотакки не понятно, как везло этому человеку! В годы, когда рыбаки из Тромсе все поголовно возвращались домой с по-

рванными снастями и пустым трюмом, Бьернс уходил от штормов и ледяных сжатий.

Завистники уверяли, будто бы Бьернса поддерживает нечистая сила. Находились свидетели, которые своими глазами видели, как удачливый капитан молится в своей каюте окаменевшей моржовой голове. Даже пастор однажды с амвона намекнул в проповеди на людей, которые подружились с нечистыми и, возгордившись, отвернулись от церкви. Но Бьернс простоял всю службу, не моргнув глазом, будто бы его это вовсе не касалось.

Капитан Зильперт был очень богобоязненным человеком, но в последние годы ему не везло, и он твердо решил не упускать из виду Счастливику и постараться урвать хотя бы кусочек от его необыкновенной удачи.

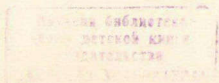
Из горла Белого моря, громоздясь друг на друга, шли громадные ледяные поля. По краям они были усеяны черными точками тюленних залежек. В другое время капитан Зильперт уже давно пришвартовался бы к какой-нибудь льдине и начал бы охоту, но теперь его интересовал только маршрут Бьернса, и он ни о чем ином не мог думать. Между тем Счастливик шел себе все вперед и вперед, минуя ледяные поля, углубляясь в море. Изредка на нарядном спардеке его бота появлялась стройная фигура капитана. Он внимательно оглядывал горизонт, изредка поднося к глазам бинокль. Видно было, что он идет к какой-то определенной цели.

Уже два раза к капитану Зильперту подходил его старший сын.

— Отец, — говорил он, — куда мы идем? Здесь уже есть в десять раз больше зверя, чем могут вместить наши трюмы.

Старый капитан не отвечал, весь увлеченный преследованием Счастливика.

Ветер тем временем крепчал. Льды становились все беспокойней и беспокойней. Уже дважды всходил на спардек молодой Оскар, совершающий лишь третье плавание во льдах, и с беспокойством оглядывал горизонт.

Бот Бьернса с увертливостью нырял между льдинами, с необыкновенной ловкостью лавируя между нагромождениями торосов. Капитану Зильперту не всегда удавалось следовать его примеру.

Несколько раз уже сверкающая миллионами драгоценных камней льдина острым краем задевала за борт судна, отчего весь бот сотрясался от трюма до самой мачты. Капитан Зильперт молча сжимал кулаки и произносил вполголоса проклятия.

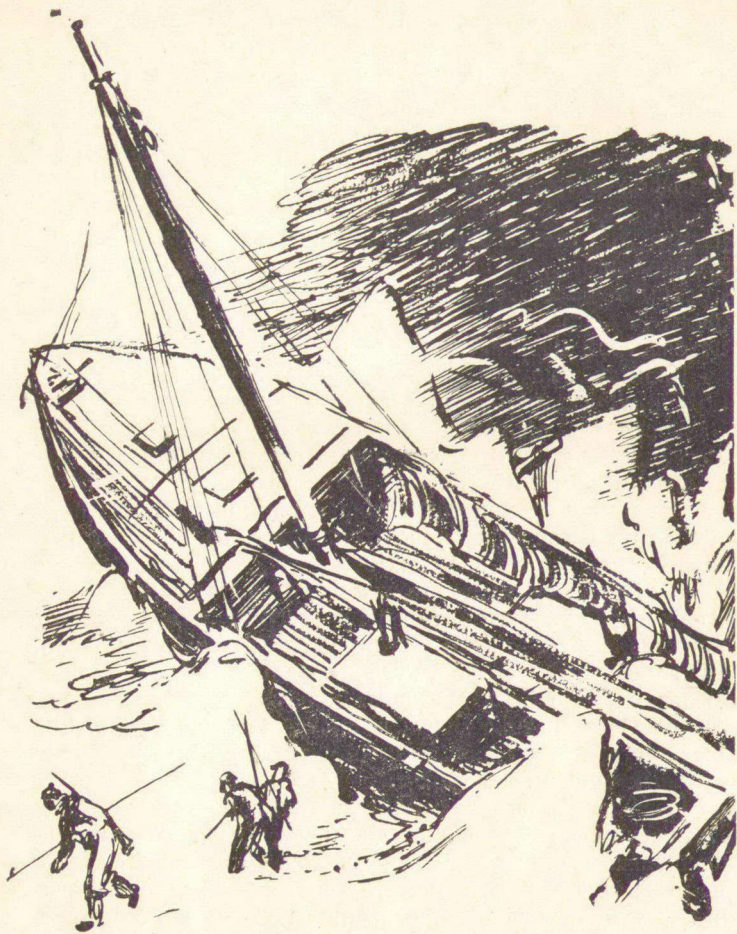
Трудно сказать, сколько времени продолжалась эта бешеная гонка: в это время года в Арктике не бывает ночи, и небо в течение многих часов было все так же безмятежно сине. Потом ветер стал слабее, и на горизонте, с юга, появилось большое серое облако. Капитан Бьернс пришвартовался к большому ледяному полю и поплыл вместе с ним.

Надвигался туман, и старый Зильперт, побежденный, приказал отдать ледяной якорь.

Двое сыновей и один из племянников старого капитана немедленно сошли по шторм-трапу на лед. Самый сильный из них, вооружившись киркой, атаковал покрытую снежным покровом поверхность ледяного поля. Разноцветные, сверкающие брызги посыпались во все стороны, как будто со дна моря забил фонтан драгоценных камней. Когда после упорной работы удалось пробить в толще льда достаточное отверстие, капитан подал сыну якорь. В этот момент бот рвануло в сторону, и длинноногий Абель, уцепившись за якорь, упал в воду.

Хотя море как будто было спокойно, человек за бортом довольно долго барахтался в ледяной воде, пока его наконец удалось вытащить. Капитан Зильперт, бледный, как полотно, стоял, уцепившись за штурвал, и отдавал нервные приказания. Посиневший и измученный, поднялся Абель на палубу. Он, шатаясь, прошел к трапу и исчез в каюте.

Туман тем временем подошел вплотную. Лишь после получасовой возни удалось подобрать двух остальных.

О том, чтобы отдать ледяной якорь, уже не могло быть и речи. Капитан Зильперт оказался сразу без трех матросов. На маленьком экипаже бота такая потеря, даже временная, отзывалась очень тяжело. Продрогшим людям необходимо было дать возможность переодеться и промочить горло глотком рома.

Туман покрыл бот и ближние льды большой, белой и мохнатой шапкой. Бот застыл в жуткой, неестественной неподвижности, зажатый обломками ледяных полей. Капитан Зильперт хорошо знал, что это означает. В таких случаях нужно было во что бы то ни стало пришвартоваться к какой-нибудь льдине и ждать. Но момент был упущен. Кругом не видно было ни зги, тихо шуршали по бортам льды; бот, во власти разбушевавшейся стихии, несло в неизвестном направлении.

Капитан нащупал багром за кормой чистую воду. С большими предосторожностями был брошен лаг. Старый Зильперт едва не лишился чувств, когда обнаружил, что льды дрейфуют его со скоростью шести миль в час. Бот был во власти того самого смертного дрейфа, о котором рассказывают чудом уцелевшие старики. Сам Зильперт плавал во льдах уже около сорока лет, но знал о таких дрейфах только по-наслышке.

В течение суток в положении судна не наступило никаких перемен. Потом туман вдруг сразу рассеялся. Бот прижало между двумя гигантскими ледяными полями. Кругом, со всех сторон, куда ни падал взгляд, все кишело тюленями. Это была сказочная добыча.

Но Счастливики Бьернса нигде не было видно. Бот был окружен бесконечным простором ледяных полей, края которых терялись в тумане.

Прежде чем начать охоту, капитан подошел к компасу. Хотя судно, прикованное ко льдам, было совершенно неподвижно, старому Зильперту показалось, что стрелка компаса только что переместилась. Брошенный лаг показал жуткие данные: дрейф льдов за сутки не только не замедлился, но, наоборот, усилился. Когда капитан Зиль-

перт снова подошел к компасу, он остолбенел. Стрелка медленно, как бы в раздумьи, дважды перевернулась вокруг своей оси. Потом, снова вернувшись на прежнее место и насмешливо подмигнув оторопевшему капитану, компас повернулся в обратную сторону и застыл неподвижно.

На мореходной карте в капитанской рубке красными крестиками были нанесены очаги магнитной аномалии. Поводив по карте слегка дрожащими пальцами, Зильперт убедился, что его бот в настоящую минуту, очевидно, пронесит через горло Белого моря. В том, что отсутствовал берег, не было ничего удивительного: кругом висела густая полоса тумана.

Капитан в свое время окончил мореходные курсы в Гаммерфесте и хорошо знал, что в очагах магнитной аномалии компас способен проделывать самые необыкновенные штуки. Тем не менее всякий моряк привык относиться к своему компасу, как к некоей незыблемой истине и потому странное поведение компасной картушки испугало капитана Зильперта.

Ветер продолжал дуть с суши, и одно это было плохим предзнаменованием. Слепая, бессмысленная стихия несла бот прямо в открытый океан. Продовольственных запасов на судне было на две недели голодного пайка и горючего — на тысячу миль пути. Из этого количества уже около пятисот миль было пройдено. Неизвестность, конечно, была неприятнее всего: быть может, в первый раз за всю свою мореходную карьеру старый Зильперт не мог в точности сказать, где он находится.

Тот, кто долго плавает во льдах, знает, что такое жуткое спокойствие смертного ледового дрейфа. Капитан „Викинга“ поднял воротник и решил подготовиться к самому худшему. Каждый капитан, даже самый молодой и неопытный, знает, что в команде нужно до последнего момента поддерживать бодрость духа, особенно это необходимо в тех случаях, когда команда состоит из трех сыновей, двух племянников и одного внука.

Капитан Зильперт сообразил, что этот ветер может продержаться много дней, недели. Если не случится чуда, судно может занести к самому полюсу, пока люди на берегу спохватятся и примут меры к организации помощи. С тех пор, как человек стремится постигнуть тайны Арктики и овладеть ее богатствами, не один десяток кораблей погиб в необъятных ледяных полях. Старый Зильперт поэтому сделал веселое лицо и приказал спустить трап для охоты. Толстые самки тюленей, ошалевшие от солнца и любви, нежно кормили своих детенышей. Норвежцы тихо подкрадывались к сторожу, старому тюленю, который обычно охраняет покой лежек. Вся удача охоты зависит от того, чтобы во-время и бесшумно покончить со сторожем. Остальное — дело чистой техники.

Трое суток подряд била тюленей команда „Викинга“. Доски моторного бота крепко пропахли запахом зверя; кожаная и меховая одежда людей была насквозь пропитана ворванью. Однако судно, нагруженное десятком тонн добычи, почему-то не погружалось в воду. Льды крепко держали хрупкие стены бота, и чем лучше шел промысел, тем больше хмурился старый капитан Зильперт. Молодые норвежцы совершенно озверели от крови. Целыми днями они молотили зверя, не всегда успевая подбирать добычу. А кругом бота льды нагромождались все плотней и плотней. Настал момент, когда капитан Зильперт сообразил, что тоннаж судна не выдержит и тонны лишнего груза. Нужно было кончать охоту. Трюмы были полны, шкуры убитых тюленей громадными кучами сложены на палубе.

Каждое утро, тайком от команды, старый капитан бросал лаг, и каждый раз результат был самый неутешительный: дрейф продолжался в самом неопределенном направлении, компасу больше нельзя было доверять, берегов не было видно.

Через два часа после того, как старший сын капитана поднял на борт последнюю тюленью шкуру, корпус бота сжалось льдами и выдавило на поверхность. Судно тихо

легло на правый борт, новенький киль врезался в рыхлый снег.

Потом на обреченный корабль спустился туман. Он пришел незаметно, как будто крадучись, и окутал все окружающие предметы непроницаемой пеленой. Туман был молочно-белый, тяжелый и сырой. Он как будто дышал. Все становилось расплывчатым и нереальным — и фальшборт, и отверстия люков, и люди, двигавшиеся по палубе. Такие туманы держатся в Арктике месяцами.

Так продолжалось десять дней. Давно уже команда обреченного судна перешла на голодный паек, и старый капитан с аптекарскими весами в руках развешивал крошечные порции сухарей. Ледяной дрейф продолжался... Хотя лед обступил судно вплотную со всех сторон, капитан „Викинга“ чувствовал необъяснимым чувством моряка, что льды несут его бот с большой скоростью. Чайки и гагары, постоянные спутницы полярных мореплавате-

лей, исчезли,—видно, корабль оттащило далеко от берега. У капитана закружилась голова.

Когда ветер переменился и подул откуда-то сбоку, капитан пристроил к мачте аварийную сирену. Приводимая в движение неустанным ветром, она выла круглые сутки, не переставая, и от этого воя становилось жутко. Эта сирена над кораблем, обреченным на гибель, звучала, как жуткий похоронный марш, и команда больше не задавала вопросов своему капитану: все было ясно и без слов.

Однажды старому Зильперту померещился ответный гудок. Он выключил сирену, потом завел ее трижды, девять раз, коротким и протяжным призывом—три точки и три тире,—призывом, который на всех языках мира означает высшее напряжение человека, терпящего бедствие. Капитан был убежден, что он одержим слуховыми галлюцинациями. Ему послышался ответный хриплый гудок, но капитан сам себе не поверил. Так или иначе, старый Зильперт не покидал мостика в течение ближайших нескольких часов. Был момент, когда ему даже показалось, что на льду, плавая в тумане, движутся какие-то человеческие силуэты. Капитан хорошо знал, что такое арктические миражи, и потому сердито повернулся спиной к призракам, идущим в тумане, и закурил трубку, набитую остатками табаку. Спасения не было, спасти „Викинг“ могло только чудо.

Обычно всякое чудо при ближайшем рассмотрении объясняется до чрезвычайности просто. Йенсен, консул Тромсе, не мог равнодушно смотреть на плачущую дочь. Да и жениха ее, голубоглазого Оскара, пропавшего без вести, он любил, как родного.

Через две недели после того, как „Викинг“ попал в ледяной дрейф, архангельская контора Совторгфлота получила из Москвы следующую телеграмму:

„Норвежский посол в Москве сообщает следующие сведения из Тромсе: моторный бот „Викинг“, имея на борту семь человек под командой капитана Зильперта, пропал без

вести, очевидно захваченный льдами в горле Белого моря. На борту ограниченное количество продуктов. Последний раз перед переменной ветра бот видали в районе Оленьих скал. Сведения эти вполне достоверны: они доставлены известным полярным капитаном Бьернсом, возвратившимся неделю назад со зверобойного промысла и едва избежавшим той же участи. Немедленно пошлите на розыски ледокол, и если этого будет мало, то и самолет Внукова“.

Летчик Внуков провел бессонную ночь. Прежде всего ему мешал спать залихватый храп механика Поршнева; во-вторых, он перед отлетом из Архангельска на Тюлений остров получил от жены сообщение о болезни младшего сына.

Летчик Внуков, один из старейших пилотов русского воздушного флота, протащил своих детей через горнило гражданской войны, наступления, эвакуации и командировки. Ему, в сущности, уже пора было вполне заслуженно уйти на покой, но он любил летное дело, и ему очень не хотелось превратиться в „сухопутного летчика“.

В большой и пустой комнате было тихо, если не считать храпа Поршнева, лежавшего на полу, на мехах, раскинув руки; тонкие занавески служили плохой защитой от полярной ночи, так что в комнате всегда был полусвет. Внуков, ворочаясь с боку на бок, думал о том, что вот он опять накануне опасностей.

Проснулся Поршнев, разбуженный собственным храпом. Он сел на полу, подобрал колени, и задумался. Потом заговорил с Внуковым, как бы продолжая начатый разговор. Он всегда так разговаривал.

— Ну, хорошо, скажем, норвежцы, — сказал он. — А опять-таки на кой чорт они нам сдались? И, может быть, вообще это фашисты? Ведь есть же в Норвегии фашисты. А мы из-за них должны рисковать головой.

— Глупости болтаешь, — ответил Внуков.

В дверь кто-то постучал, и Внуков, проворно соскочив с постели, зашлепал босыми ногами к двери. Начальник острова Федосеев, отряхнув у порога снег, вошел в комнату, внося с собой струю морозного воздуха. Он

принес телеграмму. Летчик подошел к окну и прочел вслух:

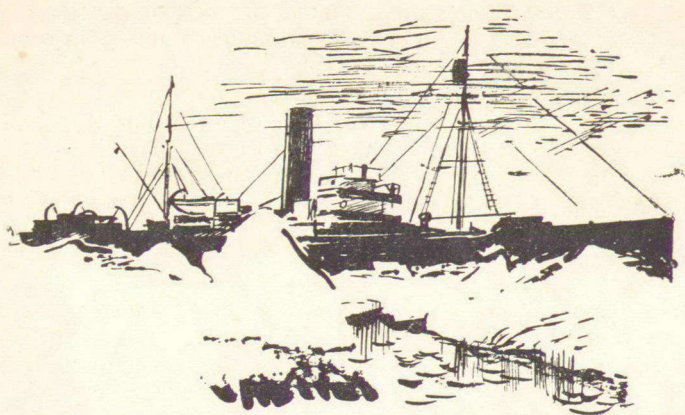
„Ледокол „Седов“ в тумане подошел почти вплотную к терпящим бедствие норвежцам. Ближе подойти было опасно. Спустили на лед трех человек, которых снабдили продуктами. Очевидно, они достигли бота. Сдвигка льдов помешала продолжить операцию. Лед в этом районе чрезвычайно торосистый, бот невысок, в результате чего обнаружить его можно только при помощи авиации. Сообщите, когда вылетает Внуков“.

Федосеев посмотрел на летчика вопросительно. Механик Поршневу, ворча себе что-то под нос, стал одеваться.

— Когда вылетают? — спросил Внуков. — Да сейчас, через полчаса.

Погода в Арктике меняется быстро. Небо было совершенно чисто, и туман осел где-то далеко, на горизонте, когда капитан Зильперт заметил в воздухе какую-то черную точку. С любопытством человека, которому ничего не остается в жизни, кроме возможности наблюдать за окружающими предметами, старый капитан заинтересовался этой странной точкой в воздухе. Повидимому, это была птица, но командир „Викинга“, считавшийся лучшим охотником в Тромсе, никак не мог определить сразу, к какой породе пернатых она принадлежит. Птица летела прямо, не меняя направления, как будто идя к определенной цели. И капитан Зильперт вдруг вздрогнул с головы до ног и схватил бинокль.

Дальнейшие события развернулись чрезвычайно быстро. Экипаж „Викинга“ собрался на палубе. Самолет низко над льдами сделал несколько кругов. Люди на опрокинутом боте следили за его полетом, затаив дыхание. То самое чудо, которое могло спасти корабль, очевидно, совершилось. Внуков не спеша выбрал себе удобную площадку и сел на лед. Спотыкаясь в торосах, навстречу стальной птице бежал командир „Викинга“, не дождавшийся трапа и соскочивший прямо с палубы на лед. На ходу он снял меховую шапку и размахивал ею в воздухе. Летчик и

капитан поцеловались. Люди почему-то всегда целуются в торжественных случаях.

— Я вам тут привез немного продуктов,— сказал Внуков.— Сколько мог захватить. Ваше местонахождение я уже передал ледоколу по радио. Он пробьется к вам не позже завтрашнего дня.

На международном морском языке подробно изъясняться довольно трудно. Во всяком случае, капитан Зильперт понял, что чудо совершилось и он спасен. Про себя капитан подумал, что не нужно было сбрасывать с палубы тюленьи шкуры: сколько добра пропало понапрасну!

Внуков, пренебрегая трапом, забрался на покосившуюся палубу бота, подтянувшись на руках. В каюте капитан Зильперт налил два стаканчика рома и после того, как летчик отказался, выпил их оба, причмокнув языком. Старый морской волк немного волновался. Перед тем, как опрокинуть в рот второй бокальчик, он высоко поднял его вверх и провозгласил тост, который хором был подхвачен всей командой „Викинга“:

— Скоуль, господин летчик, ваше здоровье!

Внуков дружелюбно оглядывал окружающих его людей.

— Скажите,— спросил он вдруг капитана,— а где же наши русские матросы с „Седова“? Я их что-то не вижу.

Капитан Зильперт переспросил его, не поняв. Потом он уставился на Внукова, выкатив глаза.

— Русские матросы?— сказал он удивленно.— Но, чорт возьми, о каких матросах вы говорите? Кроме своей команды, я ни одного живого человека не видал за последние три недели.

ТОЛЬКО ЛЬДЫ

Внуков возвратился на Тюлений остров лишь на третьи сутки. По дороге его захватил туман, и он дважды отсиживался на льдинах в открытом океане. Лица летчика и механика посерели. Поршневу даже перестал ругаться, утомленный вынужденным бодрствованием в течение семидесяти с лишним часов.

На острове Ийша тоже не спал. Он просиживал целыми часами на скале у обрыва и сторожил самолет. Вся колония была взволнована сообщением об исчезновении трех поморов с ледокола „Седов“. Делались самые невероятные предположения, но мнение большинства сходилось в том, что они безусловно погибли и что искать их бессмысленно.

Положение было особенно серьезным в связи с тем, что капитан „Седова“ не мог точно указать место, где он, в тумане, подходил близко к норвежскому кораблю. Кроме того, в течение последних дней направление ветра и движение льдов несколько раз менялось, так что было совершенно не известно, где искать поморов.

Единственное соображение, говорившее в их пользу, заключалось в том, что они были снабжены большим количеством продуктов, уложенных на трех нартах. По подсче-

там доктора Кукушкина, этих продуктов при экономном использовании должно было хватить на троих месяца на полтора.

Ийша почему-то утверждал, что льдину с поморами недалеко занесло в открытый океан и что их дрейфует где-то вдоль лапландского берега, по кромке. Как всегда, Ийша уклонялся от сообщения тех соображений, которыми он руководился, и колонисты посмеивались над ненцем. Но он упорно продолжал утверждать, что поморов можно спасти, если поискать их вдоль кромки.

Внуков прилетел, прорвавшись сквозь полосу тумана, и через несколько часов после того, как аппарат был убран в брезентовый ангар, на Тюлений остров налетел буран. Снежный смерч несколько раз проходил по острову. У ангара было установлено дежурство. Полузанесенные снегом люди крепко держали брезент, забывая об усталости. В этом году выдалась очень суровая весна. Обычно в марте на Тюленьем острове почти вовсе не бывало снега.

Лишь только улеглась вьюга, к острову на гребной лодке прибыл староста Койданской артели, Павел Еремеевич. Он больше двух суток плыл от ледокола до острова, и его лодку все время относил ветром и течением. Несколько раз ему угрожали пловучие льды.

Над островом плотно повис густой, тяжелый туман. Шел мелкий снег, перемешанный с туманом. Он сыпался беспрерывно, как будто пропущенный сквозь мельчайшее сито. Изредка, порывами, налетал ветер; тогда покрытая снегом площадка у колонии мгновенно приходила в движение.

Снежная поверхность рождала десятки небольших смерчей. Они крутились по площадке, перегоняя друг друга, и растворялись в тумане. Было ветрено, туманно и снежно. Павел Еремеевич шумно вздохнул.

— Я ничего не говорю, — сказал он, — но вы сами, Сергей Михайлович, все-таки имейте в виду: сыновья. Трое, больше нет. А ведь я сорок первый год на промысел хожу.

Трое поморов во льдах Ледовитого океана попали действительно в чрезвычайно затруднительное положение. В тот момент, когда они спускались на лед, нагрузив тяжелые нарты сухарями и мясными консервами, сирена „Викинга“ завывала где-то здесь, почти рядом. Силуэт затертого льдами бота даже довольно явственно вырисовывался сквозь туман. Но это продолжалось всего лишь несколько минут. Карабкаясь и попадая между остроконечными торосами, поморы почти ощупью продвигались вперед. Первым шел старший сын Павла Еремеевича — Степан. Он осторожно двигал лыжами, прощупывая дорогу багром. Вскоре багор попал в чистую воду: партия дошла до края льдины.

— Стоп! — крикнул Степан и повернул влево, туда, откуда, как ему казалось, только что слышался вой сирены „Викинга“. Поморы прошли еще несколько минут в пол-

ном молчании. Потом льдина, которая их несла, неожиданно начала трещать, и младший сын койданского старосты, Пантелей, неожиданно провалился в ледяную воду по пояс. Ему почти сейчас же удалось выкарабкаться, но часть груза с продуктами погибла безвозвратно.

Поморы спугнули тюленя и убили его. За те двадцать минут, что трое смельчаков покинули ледокол, туман стал еще больше: в двух шагах ничего нельзя было разобрать. Усевшись на убитого тюленя, Пантелей, спасая замерзающие ноги, стал перематывать портянки. Двое остальных задумчиво курили.

Протяжно и хрипло прозвучал гудок ледокола. Но странное дело: послышался он как раз с той стороны, куда держали путь поморы, и на таком большом расстоянии, как будто ледокол находился в нескольких милях от льдины. Поморы насторожились; положение становилось чрезвычайно серьезным.

Степан трижды выстрелил в воздух из винтовки. По сокращенному коду промысловой сигнализации это означало: „Мы вас не видим. Подайте голос!“

Однако никакого ответа не последовало: туман, очевидно, пожирал звук. Ни на ледоколе, ни на боте выстрелов не было слышно. Тогда тремя поморами, оставшимися на пловучей льдине, овладела паника. Они стали беспорывно и без толку стрелять в воздух, путая сигналы, мешая друг другу. Нервная пальба продолжалась несколько минут. Потом они устали, да и почти не оставалось патронов. Через несколько часов они окончательно поняли, что в ближайшем будущем им помощи ждать неоткуда. Степан, как самый старший и опытный, дважды обошел кругом ледяное поле, на котором они находились. Точно выяснить его очертание было невозможно, потому что мешал туман. Льдина была толщиной, повидимому, около двух метров, с большим затвердевшим покровом снега. Размер ее равен был примерно четверти километра. Льдина была, в общем, гладкой, только по самой середине ее возвышалась большая остроконечная гряда торосов. Эти

торосы могли, в случае нужды, служить превосходной защитой от ветра.

Поморы знали, что теоретически на такой льдине можно плавать по океану долгие месяцы. Весь вопрос заключался в том, хватит ли продуктов.

Определить направление ветра было невозможно. Оставалось плавать по воле стихии, стараясь как можно больше двигаться и как можно меньше есть.

Поморы почти не разговаривали друг с другом. Они проводили бесконечные томительные часы; настроение их беспрерывно менялось. Степан разделил оставшееся продовольствие на ровные крошечные пайки и сам сторожил их. Поморы то пребывали в полудремоте строили бесчисленное количество предположений о том, в каком виде к ним придет помощь, то ходили по краям льдины, как звери в клетке, разминая затекшие члены. Иногда на кого-нибудь из них нападали дикие припадки отчаяния. Они падали на снег, царапали его пальцами, выли и причитали. Иногда кому-нибудь из них что-нибудь мерещилось. Тогда двое других молча прислушивались, затаив дыхание. Иногда кто-нибудь даже стрелял в воздух, хотя это и не разрешалось: нужно было экономить патроны для того, чтобы, когда кончится продовольствие, бить тюленей и птиц.

Лучше всех сознавал всю безвыходность положения старший сын койданского старосты — Степан. Он превосходно понимал, что льдина, на которой они жили, была чрезвычайно ненадежным убежищем. Достаточно было ей попасть в теплую струю Гольфштрема, чтобы толщина ее начала быстро уменьшаться, а вместе с этим увеличивалась бы хрупкость. Тогда уж льдине, конечно, не выдержать самых незначительных сжатий.

Поморы в снегу тороса вырыли себе три норы и спали в них, укутавшись в промерзшую одежду, свившись в клубок, как медведи. Один из них постоянно дежурил и должен был разбудить других, если бы откуда-нибудь пришла помощь или обнаружилась бы непредвиденная

опасность. Так проходили бесконечные часы, дни, недели. Горизонт трех поморов был чрезвычайно ограниченный, их дрейфу во льдах почти все время сопутствовал туман.

Светлой полярной ночью летчик Внуков получил два радио: одно из архангельской конторы Совторгфлота, другое из дому. Архангельское радио напоминало, что во льдах беломорского горла пропали без вести три помора, что нужно обязательно постараться их разыскать, что это будет иметь громадное политическое значение, что промышленники-одиночки, которых Совторгфлот втягивает в артели, должны будут, в случае спасения трех поморов, убедиться, что с авиацией и ледоколами гораздо выгоднее работать.

Это радио, по существу, было очень обидным для Внукова: оно говорило о вещах, которые он и сам прекрасно знал.

Радио из дому было от жены Внукова. Она телеграфировала, что состояние младшего сына летчика значительно ухудшилось, и спрашивала, не может ли Внуков возвратиться домой, хотя бы на несколько дней.

Эта просьба окончательно вывела пилота из себя. Он сердито крикнул и сел на постели, свесив босые ноги на пол. С пола, из глубины мехов, иронически поглядывал на него механик Поршнев.

— Что, Сергей Михайлович, — сказал он, — торопят летать? Черти неугомонные! Сами бы полетели. Добрый хозяин собаку во двор не выгонит — такая погода. А им хоть бы что.

Не дождавшись ответа, механик шумно вздохнул.

— А второе радио, наверное, из дому, — догадался он. — Тоже, небось, заботы всякие.

Поршнев сам тоже был многосемейным, но жена его была неграмотная и поэтому довольно редко тревожила мужа по телеграфу. Летчик и механик еще некоторое время подумали каждый о своем, потом заснули.

Их разбудил сухой, заискивающий кашель. Посреди комнаты стоял староста Койданской артели — Павел Ере-

меевич. Он был жестоко пьян. Седые клочья его растрепанных волос торчали во все стороны, глаза были воспалены; старик не держался на ногах.

Как только Внуков очнулся и взглянул на него, Павел Еремеевич по-детски всхлипнул и повалился на колени.

— Сергей Михайлович, кормилец, отец родной, — сказал он прерывающимся голосом, — ведь сыновья, понимаешь, трое сыновей... Больше нет никого. Уж ты как-нибудь сделай. Уж ты не бойся... Вот, — продолжал он, протягивая какую-то пачку бумаг, завернутую в газету, — три тысячи в артели собрал, больше не имею. Возьми себе, только лети, голубчик. Лети скорее. А то ребятам уж, наверное, и кушать нечего.

Внуков оторопел. В первую минуту он даже не сообразил, что ответить, и только почувствовал, как трясется всем телом. Наконец он вскочил на ноги.

Павел Еремеевич, увидя его страшное лицо, поднялся на ноги и стал медленно пятиться спиной к двери. Пачку денег он выронил из рук, и грязные, засаленные червонцы рассыпались по полу.

Внуков подошел к нему и схватил его за шиворот.

— Вон! — сказал он наконец. — Вон, негодяй! Кого покупаешь? Ты думаешь, моя шкура мне не дороже, чем твои три тысячи? Кого ты купить хочешь, мерзавец?

И, продолжая трясти старика за грудь, он вытолкнул его в дверь. Потом, не помня себя от бешенства, он подобрал деньги, обдирая себе ногти на некрашеном полу, и, открыв форточку, швырнул их во двор. Ветер подхватил засаленные червонцы и весело закружил их по снегу, между домами колонии. Павел Еремеевич, уткнув взлохмаченную седую голову в руки, лежал во дворе прямо на снегу, у парадного крыльца. Потом Внуков вернулся к кровати и, закутавшись с головой, уснул, продолжая во сне скрипеть зубами от бешенства.

Механик Поршнев поднял голову со своей меховой подушки и, убедившись, что летчик спит, стал тихонько одеваться. Потом он на цыпочках вышел в сени и, пройдя

мимо лежащего в снегу старика, пошел через плац прямо к снежному обрыву.

Возле сигнальной мачты, на скале, сидел Ийша, подперев голову руками. Он мурлыкал себе под нос какую-то песенку и внимательно рассматривал горизонт. Поршневу сел рядом с ним и закурил.

— Туман уходит,— сказал Ийша как бы в раздумьи,— туман шибко уходит, прямо на норд. Ты можешь сверху отличить тюленя от моржа?— спросил он вдруг, повернувшись к механику.

— Могу,— ответил Поршневу удивленно.— Что я моржей не видал, что ли? А к чему тебе это? Вечно ты что-нибудь выдумашь.

Ийша не ответил ему на вопрос и продолжал думать, как бы высчитывая что-то в уме. Потом он медленно заговорил:

— Туман уходит на норд! Ветер теплый, очень теплый. Нужно лететь по кромке, если будут тюлени. Если зверя не будет, полетите глубже. Если увидите хотя бы одного моржа—значит, старые полярные льды в этом году зашли слишком далеко. Тогда поморы живы... Они недалеко... ближе Мурмана... много ближе. Если полярные льды так низко спустились, поморов не могло занести в океан.

Механик глядел на Ийшу с удивлением.

— Что ты чорт, что ли, или колдун? Откуда ты все знаешь?

Ненец опять не ответил ему на вопрос.

— Буди человека-птицу, летите скорее! Скоро опять будет туман. Туман будет недолго... Два дня, три дня. Но потом будет нехороший ветер. Буди человека-птицу!

Поршневу не стал больше его расспрашивать. Он проворно вскочил на ноги и почти побежал к ангару. Механик возился у самолета около часа. Он накрыл мотор тряпками, пропитанными в кипятке, налил горючего, осмотрел тросы, проверил рули. Потом он еще раз вышел к берегу и посмотрел на море.

Туман отходил к северу. Разреженные льды, как будто бы проснувшиеся после кошмарного сна, тихо неслись в темнозеленой воде, разбитые, изломанные, нагроможденные друг на друга. Над льдами большими кругами носились чайки, выискивая добычу. С суши дул сильный ветер. Небо было морозное и чистое.

Когда Поршневу возвратился к дому доктора Кукушкина, Павла Еремеевича уже не было во дворе. Старик куда-то ушел. Внуков крепко спал, укутав голову в одеяло, и механику стоило большого труда его разбудить.

— Летим, Сергей Михайлович, — сказал Поршневу, как только пилот открыл глаза. — Машину я подготовил. Ийша велел лететь. Туман ушел. Одевайся!

У ангара уже толпились встревоженные колонисты. В центре группы людей веселился Ийша. Он был не то пьян, не то чем-то чрезвычайно обрадован. Он приплясывал на месте, всех задевал и вообще был необычайно оживлен. Когда пилот подошел к аппарату, Ийша отвел его в сторону и что-то долго шептал ему на ухо. Летчик внимательно прислушивался к его словам и время от времени поглядывал на карту.

Потом он одобрительно похлопал ненца по плечу.

— Молодец, Ийша! — сказал он. — Как это ты ловко все подсчитал! Чу, спасибо. Посмотрим, как оно получится.

Потом, крепко затянув под подбородком ремень шлема, Внуков полез в аппарат.

Когда, сделав большой круг по мягкому снегу аэродрома, аппарат стал скользить все быстрее и быстрее, набирая скорость, откуда-то сбоку выскочил старый Павел Еремеевич и побежал, спотыкаясь в сугробах.

— И меня, и меня с собой возьмите! Я найду, я найду наверняка!

Старика взяли под руки и увели. Аппарат казался уже черной точкой в воздухе...

Голодовка и непрерывное бодрствование на свежем воздухе отнимают последние силы. Однажды все три помора заснули одновременно. Когда они проснулись, их оказалось только двое. Лыдина во время их сна раскололась пополам, все остатки продовольствия и младший брат Пантелей пропали бесследно.

Туман тесно обступил их со всех сторон. Кусок льдины, на которой они жили, медленно кружился, как карусель. В этот день погода менялась три раза. Туман исчезал бесследно, потом вновь накрывал их тяжелой шапкой. Через сутки, делая над ними большие круги, прошел самолет. Один из поморов уже не мог двигаться; он лежал навзничь на снегу и тихо скулил. Степан из последних сил стал во весь рост на льдине и, сняв меховую куртку, долго размахивал ею. Самолет сделал над ними несколько кругов, как бы в поисках посадочной площадки; потом быстро ушел на юг. Степан в полном изнеможении опустился на лед и закрыл глаза. Ему было уже все равно.

Сколько времени прошло с этого момента, поморы не знали. Вдруг где-то, совсем близко, они услышали пыхтение машин и знакомый хриплый гудок ледокола. Потом они лишились чувств.

У летчика Внукова было четверо детей; у старосты Койданской артели, Павла Еремеевича,—трое.

Внуков взял на борт самолета одного из поморов в качестве наблюдателя и полетел разыскивать третьего сына. Это было почти безнадежное предприятие. Но Внуков решил выпить чашу до дна.

Самолет тихо сел на гладкую льдину, чуть накренившись налево. От предыдущих неудачных посадок треснули связки лыжи. В этой лыже была смерть, и потому пилот прежде всего соскочил на землю и осмотрел ее.

На самолете было два компаса: один у пилота, другой у помора, и оба показывали разное. В этих местах всегда

туляют магнитные бури. Морское дно таит в себе массу неразгаданных тайн. Часто во время арктического полета картушка компаса вертится, как карусель, и летчик мгновенно теряет направление.

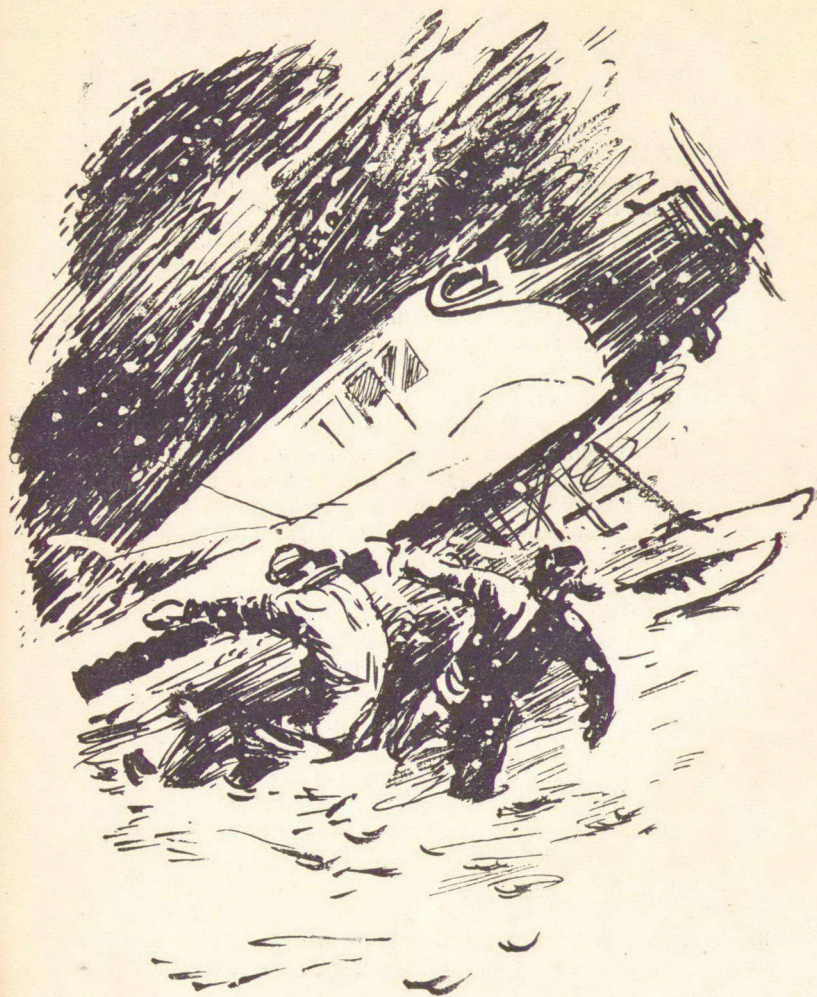
Три человека сели у самолета на снег и стали обдумывать свое положение. Туман делал дальнейший полет равносильным самоубийству. Такие туманы в этих широтах держатся несколько недель. Запасы бензина давали самолету возможность держаться в воздухе не больше четырех часов. В кабине был запас продуктов на одну неделю, винтовка и сто патронов.

Тогда летчик, по молчаливому согласию остальных двух, принял на себя командование. Он велел принести из кабинки все припасы и разложить их на снегу. Жизнь трех человек заключалась в сухом спирте, десяти банках консервов, небольшом количестве сухарей и восьми плитках шоколада. Потом была еще винтовка и патроны. Пока механик варил пищу на самодельной спиртовке, летчик и помор пошли искать медведя. Они убили его беззлобно и несколько часов тащили на себе к лагерю. Это была пища на две недели. Случайно сгорела карта. Три человека в ледяной пустыне улыбнулись и молча пожали друг другу руки.

Издали доносился нарастающий гул. Где-то ломало льды. Потом под самолетом треснул аэродром, и поднялась снежная вьюга.

Пилот, механик и помор в течение тридцати часов таскали самолет по льду в разные стороны, спасая его от ветра и водяной бездны. За сутки лица их совершенно изменились и приобрели тот вид, который в иллюстрированных журналах бывает у полярных исследователей после возвращения из путешествия.

Наконец буря успокоилась. Ледяной шторм слегка повредил уже поврежденную лыжу и утащил под лед тушу медведя, винтовку и все патроны. Но самолет был цел; целы были и люди. На них свалился сон, такой глубокий и тяжелый, который знают только люди, борю-

щиеся со смертью в Арктике. Когда они проснулись, туман был все еще непроницаем. Летчик взял кусок бумаги и строго распределил все продукты на две недели.

Скоро борьба за жизнь возобновилась. Туман рассеяло, как по волшебству, и механик завел пропеллер. Лыжи самолета глубоко вмерзли в лед. Летчик напрасно давал полный газ, так что воздух со свистом сотрясался от оборотов винта. Помор, который стоял по колена в снегу, раскачивая крыло самолета, валился с ног, под ураганной струей воздуха. Самолет отрывался от снежной поверхности долгие часы. Полумертвые от усталости люди, мокрые в своих меховых одеждах, много и много раз начинали сначала. Спасение было так близко, под рукой, но ледяная пустыня крепко держала свою жертву.

Бортмеханик заметил правее ближайших ледяных торосов большое, почти гладкое поле. Поверхность его была испещрена голубыми пятнами — талой снежной водой, покрытой только ледяной коркой. Летчик дал малый газ, и самолет медленно пополз к этому полю. На поворотах механик и помор всей своей тяжестью висли на одном из крыльев, вокруг которого совершался вираж. Между торосами было очень много снега. Один раз механик, который был небольшого роста, провалился по плечи, и его чуть не смяло хвостом. Но летчик во-время заметил опасность. Уткнувшись лицом в снег, механик пропустил над своей головой кость хвоста и, выкарабкавшись из снега на поверхность, снова принялся за работу.

Часа через два самолет удалось провести через торосы к полю. Люди едва держались на ногах. Летчик был измучен больше всех. Стекла его полярных очков вспотели от учащенного дыхания. Расстегнутый шлем обнажал на подбородке небритую щетину; сквозь мутные стекла очков блестели красные, воспаленные глаза.

Механик и помор присели покурить на ближайшем торосе. Летчик не курил, но тоже присоединился к остальным. Говорить было не о чем, потому что все было ясно без слов. Вдали, то приближаясь, то отдаляясь, на-

растал многоголосый гул. Где-то ломало льды, и было ясно, что, если самолет в ближайшие часы не улетит, аэродром превратится в груды битого льда. Тогда лететь уже будет некогда. Выдержать же вторую битву с ледяным штормом люди были не в состоянии.

Через полчаса борьба за жизнь возобновилась. Бортмеханик и помор, вооружившись французским ключом от самолета, стали расчищать площадку для подъема. Вскоре они принялись за работу вручную. Широко расставив ноги и наклонившись всем корпусом вперед, механик отламывал от торосов громадные глыбы льда и катил их по снегу в сторону. Помор руками разглаживал снег.

Снежное поле тянулось, вероятно, на несколько десятков миль, но самолету нужно было всего двести пятьдесят квадратных метров абсолютно ровной площадки. Такие площадки иногда создает сама природа, но сейчас, после сжатия и шторма, поверхность льда была испещрена выступами и ямами.

Люди работали без устали еще много часов.

Туман, наконец, убрался совсем. С беспощадной настойчивостью светило яркое полярное солнце. Люди сняли кожаные куртки и все-таки обливались потом. Кругом, со всех сторон, слышались вздохи и легкий треск. Снежный покров медленно подтаивал.

Летчик сел один в машину и решил попробовать прочность площадки. Механик и помор остались. Совершенно измученные, они легли животом на снег и пили ледяную пресную воду, прямо ртом, из маленькой лужицы. Летчик дал полный газ, и лыжи уверенно заскользили по площадке. Когда самолет проходил над самой большой проталиной, люди, которые пили воду, вдруг вскочили и побежали вперед, спотыкаясь по снегу. Самолет сильно накренило на сторону. Правая лыжа вместе с частью шасси ушла в воду. Тонкая ледяная корка, покрывающая проталину, не выдержала тяжести юнкерса. Он провалился. Правое крыло глубоко врезалось в снег; левое крыло беспомощно обращено было к небу.

Три человека вытаскивали самолет два часа. Грохот от ломающихся льдов слышался все ближе и ближе. Спасая правую лыжу, помор провалился в проталину и неожиданно исчез в ней совершенно. Красивая голубая лужа оказалась западней. Лед подтаял насквозь; под самолетом была бездна океана. Помор вынырнул из-под льда и, как-то сразу побледневший, осунувшийся и оочечневший, с большим трудом выбирался на поверхность.

Работа не подвигалась. Каждую минуту вторая лыжа могла также соскользнуть с поверхности льда. Тогда самолет прочно сел бы в проталину, и все было бы кончено.

Летчик еще один раз дал полный газ. Механик и помор привязали себя ремнями к крыльям и, напрягая все свои силы до тошноты в глазах, уперлись коленями и ногтями в снег, как упряжные лошади. Самолет начал едва заметно подрагивать, потом что-то треснуло, и он двинулся из западни вперед, на снежную поверхность, правым крылом подмывая под себя помора.

Дело было сделано, и можно было лететь.

Когда летчик высчитал, что на обратный путь бензину хватает уже в обрез, они попробовали в последний раз. Пилот рванул на себя руль, и металлическая птичка взяла разгон по полю. Цепляясь облеченевшими пальцами за край крыла, помор прополз на животе в кабину.

Самолет несколько раз подпрыгнул на ледяных кочках, оторвался от снежной поверхности, провалился, снова оторвался и мгновенно взлетел вверх, забирая высоту...

...Пантелей дежурил у груды торосов, возле двух спящих братьев, когда случилось необычайное. Помор скорее инстинктом, чем слухом, почувствовал, что с ними на льдине есть кто-то четвертый. Пантелей обошел два раза кругом снежной норы и, наконец, сквозь туман различил на льдине какое-то громадное черное тело.

Хотя помор уже в течение двух недель голодал и силы его истощились, в нем все же сразу проснулся охотник.

Захватив подмышку гарпун с длинным канатом, единственное оружие, которым поморы располагали, не считая трех винтовок и десятка патронов, он медленно, на животе, пополз навстречу черному чудовищу.

Это был громадный морж, пудов на полтораста весом,— таких помор еще не видел в жизни. Его уродливая мохнатая голова мирно покоилась на снегу. Кругом теплой туши подтаивал лед: громадные клыки его уже лежали в луже.

Пантелей знал, что в этих местах моржей почти никогда не бывает, особенно таких громадных. В первую минуту им овладел суеверный страх, но потом он решил, что морж слишком тяжел, чтобы его долго выдержала льдина, и что его нужно обязательно убить или прогнать.

Помор запустил чудовищу прямо в голову тяжелым комом снега. Морж лениво повернулся, отчего льдина чуть затрещала и слегка покосилась набок; потом сердито захрипел. В тумане очертания чудовищного моржа принимали совершенно фантастические размеры, и Пантелею стало страшно не на шутку.

Медленно и кропотливо помор распутал канат гарпуна и, отойдя на несколько шагов, выпрямился во весь рост. Старый морж лежал перед ним, медленно шевеля необъ-

ятными жирами своего туловища. Пантелей высоко занес руку, потом, мгновенно выпрямив ее, как пружину, выпустил гарпун. Стальное копьё со свистом прорезало воздух, раздался глухой звук, и морж мгновенно перевернулся набок, отчего льдина покосилась на сторону, и хлынувшая на снег вода почти наполовину затопила ее.

Потом случилось страшное. Морж повернулся в сторону Пантелея и глухо зарычал. Какая-то нечеловеческая сила схватила помора за ноги и потянула к пропасти, в водоворот бушующих льдин. Бормоча проклятия и обрывая окровавленные ногти о снежную поверхность, помор, влекомый все той же нечеловеческой силой, захлебнувшись, погрузился в ледяную воду.

В самолете оставалось горючего всего на два часа полета. Измученный Внуков взял курс прямо на Тюлений остров.

Продолжать дальнейшие поиски было бессмысленно. Несомненно было, что третий сын Павла Еремеевича погиб; тут уж ничего нельзя было поделать. Нужно было спасать жизнь свою, своих товарищей и вверенный ему государством аппарат.

Внуков любил полярные льды. Только любовь к этой обстановке привлекала его, из года в год, на тюлений промысла. Крепко держа в руках штурвал управления, он любовался причудливым изломом льдин, живописной паутиной водяных скважин, игрой тюленей, бесконечно красивым полетом полярных птиц. Неожиданно какая-то странная черная группа привлекла его внимание. На громадном ледяном поле, спокойно качавшемся на волнах, он заметил какие-то два черных предмета, природа которых показалась ему совершенно непонятной.

Погода была превосходная; туман ушел. Не объясняя ничего изумленному механику, Внуков сделал круг и пошел на снижение. Он был человеком усталым, истомленным вконец долгой борьбой со стихией, но, кроме того,

он был спортсменом и не мог пройти мимо такого замечательного явления.

Аппарат нежно сел на ледяное поле и, чуть-чуть вздрагивая на подснежных кочках, замедлил ход. Первым из кабинки управления выскочил помор и, размахивая руками, побежал вперед.

На белоснежном покрове, брюхом вверх, лежал громадный черный морж. Подтаявший кругом него снег был окрашен кровью. Морж сдох несколько суток тому назад; кровавой снег вокруг его туши успел снова подмерзнуть.

Морж был убит гарпуном. Канат от гарпуна тянулся через всю льдину; противоположный конец его крепко запутался в ногах мертвого человека. Вглядевшись в его искаженное нечеловеческим ужасом лицо, помор брякнулся на колени и заголосил. Летчик и механик молча обнажили головы.

...Тюлений остров возник неожиданно, как мираж. Он был окружен густыми клочьями тумана, сквозь который черной лентой пробивался дым человеческих жилищ. Три человека, везущие с собою труп четвертого, пристально вглядывались в землю, которой они не надеялись больше увидеть. Внизу, на покрытой снегом земле, как муравьи, суетились люди. Они постелили большой красный крест на снегу. Это был сигнал для правильной посадки. Но пилот не поверил людям, находившимся на земле. Твердой рукой он взял штурвал и, сделав несколько кругов совсем низко над колонией, исследовал место посадки. Потом, потушив газ, он сел много правее сигнала. Там, на его взгляд, было безопаснее.

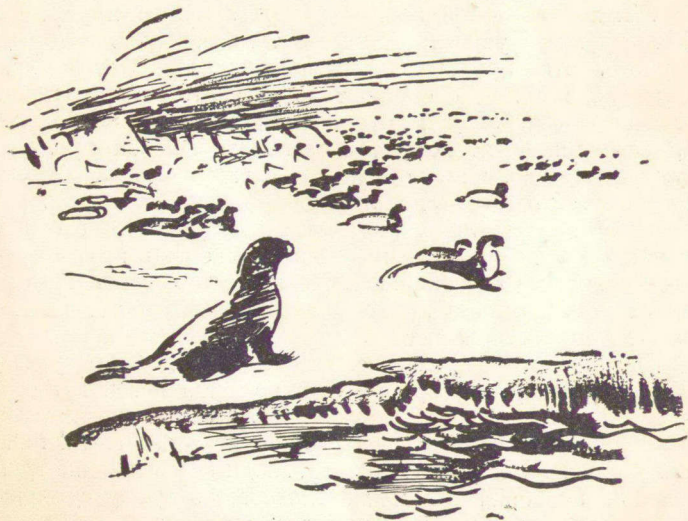
Летчик Внуков проспал целые сутки. Когда он очнулся и вышел во двор, четверо хмурых поморов несли к лодке простой сосновый гроб. За ними, понутив головы, двигалась вся колония. Сзади, приплясывая и завывая, двигался Ийша. Он танцевал похоронную пляску. Люди несли к лодке труп первого погибшего во льдах человека, которому суждено было быть похороненным в родной деревне.

Вернувшись в комнату, Внуков в ворохе приветственных телеграмм разыскал радио жены. Она возмущалась тем, что муж целую неделю не отвечал ей, и сообщала, что сын его поправился.

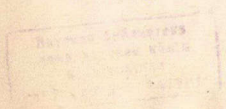
Летчик, расправив плечи, с аппетитом потянулся. Лицо его озарила улыбка.

„Хорошо все-таки жить на свете“, — подумал он и стал будить механика Поршнева, так как гостеприимная докторская жена уже внесла в комнату горячий чайник и большую тарелку, наполненную аппетитными ломтиками оленьей ветчины.

В окна приветливо глядела светлая полярная ночь.

252886

30
Цена 60 коп.

